

Дмитрий Никитин



Санаторий (слова и предметы)

Дмитрий Владимирович Никитин Санаторий (слова и предметы)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614436

ISBN 9785448309601

Аннотация

«Густое желтое освещение обшарпанных кухонь, невзрачные люди, чьи жизни – интереснейшие в своей заурядности и серости истории, тонкая корочка быта, скрывающая за собой бурлящий клубящийся деготь хтонического бессознательного. Потрясающая точность самых тонких нюансов человеческих чувств и эмоций, недюжинная внимательность к аспектам бытия и великолепный язык – вот главное оружие Дмитрия Никитина». Виталий Рыжов, главный редактор Bitter Magazine

Содержание

Слова и предметы	5
Решение о поездке в санаторий	10
Все устаканивается	12
Вокзал – голова Серафима Саровского	13
Неудачная поездка	17
Таль требует извинений	18
Рассказ Иеремии Курицыной	22
Водворение в комнате	26
Черненко и обрезанная комната	29
Оговорки Таля	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Санаторий (слова и предметы)

Дмитрий

Владимирович Никитин

© Дмитрий Владимирович Никитин, 2016

© А. Мендингер, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-0960-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова и предметы

«Когда мы говорим, в тексте наши слова заключаются в кавычки, – сказал Марк Таль, положив ногу на ногу и покачивая верхней из них, словно маятником. – То есть, если представить, что наша жизнь – это повествование, которое фиксируется письменно, то наши слова образовали бы в нем свое, отдельное пространство». «И что же?» – спросил Владислав Лисинский. – «Меня давно преследует мысль о том, что в моей жизни это отдельное пространство слов становится более значимым, нежели другое – которое вне кавычек». «Не понимаю, в чем суть твоей идеи», – сказал Лисинский. «Внешнее пространство – это оболочка, – сказал Таль, для наглядности образуя руками круг, но не переставая при этом раскачивать ногой. – Вокруг нас что-то происходит, и в определенные моменты жизни именно внешние предметы и события наиболее важны для нас. Но в момент разговора наше внимание сосредотачивается на словах, на мыслях и эмоциях, связанных с общением, и это время как бы отделяется от остального, когда мы предоставлены самим себе. Слова обретают вещественность». «Ты бестолково объясняешь», – поморщился Лисинский. «Суть дела в том, что для меня объективное пространство как бы сосредотачивается в общении, – нетерпеливо сказал Таль. – А предметы вокруг меня становятся, напротив, чем-то условным, и ход событий

перестает подчиняться привычной логике. По мере того, как слова обретают вещественность, а предметы теряют ее, все вокруг меня плывет и искажается, и в конце концов можно будет ожидать самого невероятного. Связи теряются; только силой моих слов – взывая к здравому смыслу, постоянно напоминая о том, что все должно быть так, а не иначе – я могу сохранить их. Это требует от меня все больших усилий, тем более, что и мои представления о правильном порядке вещей расплываются, а мне не с кем посоветоваться, чтобы сохранить объективность». «Мне кажется, все это оттого, что ты ведешь затворнический образ жизни», – сказал Лисинский.

Лисинский – черноволосый молодой человек с острым носом и бегающими глазами – не мог усидеть на месте; поднявшись, отодвинув штору, он принялся крутить оконную ручку то вправо, то вниз. Беспокойное движение его, однако, выглядело более естественным, чем у Таля: оно было лишь проявлением неусидчивости, желания двигаться.

Не переставая раскачивать ногой, Таль широко, сладко зевнул. Казалось, что верхняя половина его туловища расслаблена, а нижняя – напряжена. Теперь, после того, как Лисинский приоткрыл шторы, на лицо Таля в потоке света падала и прямоугольная тень от края ткани, отсекая левую щеку и часть лба. Освещенным оставался только узкий фрагмент лица, и Лисинский, обернувшись, долго вглядывался в него, удивленный тем, что Таль так выглядел совсем по-новому. Казалось, Марк встревожено заглядывает в этот мир

из какого-то далекого и темного угла, пристально рассматривая каждый предмет через некую щель, стараясь оценить, не представляют ли вещи для него опасности.

«Да, это мешает, – сказал после долгой паузы Таль. – Я хотел бы сохранить ясность мышления, верность оценок, но при моем образе жизни мне не удастся этого сделать». «Предстоящая поездка в санаторий должна помочь», – высказал предположение Лисинский. «А может быть, в террариум?» – неожиданно спросил Таль. – «Почему же в террариум?» «Не знаю, – сказал Таль. – Почему-то слово „санаторий“ ассоциируется у меня со словом „террариум“. Как будто это стеклянный куб, заключенные в который люди ползают, словно змеи, и щелкают челюстями, будто крокодилы». «Ну, это преувеличение, – засмеялся Лисинский. – Вернее даже, не преувеличение, а выдумка, не имеющая никакого отношения к действительности. Уверяю тебя, ничего подобного там нет». «Надеюсь, – сказал Таль. – Хотя у меня нет такой уверенности. Может статься, там даже хуже». «Лучше, – сделал успокаивающий жест руками Лисинский. – Там нет ничего страшного или опасного». «Надеюсь», – со вздохом повторил Таль.

Ненужный контрабас

«Зачем тебе идти?» – спрашивал Таль, но Лисинский, не объясняя, отправился на следующее утро проводить его.

Белая, костистая голова Лисинского торчала из черного кружевного воротничка: он любил экстравагантно одеваться. Что касается головы Таля, то она была ровно до середины закрыта жестким, как доска, воротником пальто, который царапал молодому человеку щеки.

Лисинский все думал, о чем бы заговорить, но не мог найти ни одной темы: ему мешало и то, что он не видел лица Таля – только лоб и волосы на виске. «Ты бы мне дал чемодан», – сказал наконец он. «Не дам», – огрызнулся Таль. Он сам тащил оба своих громоздких чемодана. «Зачем тогда мне было провожать тебя?» – спросил, поевшись, Лисинский. «Не знаю, – ответил Таль. – Ты же сам захотел, я тебя отговаривал». После этого повисло неловкое молчание; к счастью, путь до вокзала был недолгим, и приятели уже приближались к нему.

«Ну, вот и пора прощаться!» – сказал Лисинский, стоя на вокзале у вагона электрички и подавая руку Талю. «Слушай, я вспомнил, о чем всю дорогу хотел тебе рассказать! – сказал вместо ответа Таль, бездумно пожимая протянутую руку. – Именно в здании этого вокзала расположен магазин музыкальных инструментов, о котором я тебе когда-то говорил. Найти его можно так: идешь обратно, мимо кассы пригородных поездов, в дальний угол зала, где буфет. Там коридор – где указатель к поездам дальнего следования. Он выведет тебя из здания; затем ты обходишь вокзал по периметру, направо, направо, все время направо, мимо цветочного ряда.

Дальше, за свалкой, на самых задворках ты увидишь парадный вход вокзала. Иди в него – и там будет тот самый магазин!» «Я ничего не понял, но поезд уже уезжает», – сказал Лисинский. «Но именно там ты сможешь купить себе свой контрабас!» – сказал Таль. «Мне он не нужен», – сказал Лисинский, вталкивая Таля в вагон. Таль что-то еще крикнул, но в этот же момент захлопнулись двери вагона и Лисинский не расслышал.

Решение о поездке в санаторий

«Поедем в санаторий», – сказал Петр Влошич своему другу Марку Талью. «А что это за санаторий?» – спросил Таль. «Так, просто, – сказал Влошич. – Там помогают тем, кто болеет». «Но я не болею», – заметил Таль. «Тогда ты сможешь просто отдохнуть», – объяснил Влошич. «А почему вообще возникла такая идея?» – «Я собираюсь туда и предлагаю тебе тоже», – сказал Влошич.

Таль согласился. Потом выяснилось, что Влошич, может быть, и не поедет, но Таль махнул рукой и сказал, что он-то теперь уж поедет. «Раз уж я решил, то поеду даже без тебя, а то что, это был напрасный труд, что ли?» – недовольно сказал он. «Ну, как хочешь», – пожал плечами Влошич.

На самом деле Таль все-таки сомневался. Согласился он из-за того, что чувствовал потребность переменить обстановку, но тогда он рассчитывал и на общество Влошича. Само это общество было ему не очень-то и нужно; важно было, чтобы незнакомые люди его не стесняли, а вместе с Влошичем добиться этого было бы проще.

«А заразиться я там ничем не могу?» – спросил Таль Влошича, колеблясь. «Нет, – сказал Влошич. – Там ежедневно проводят влажную уборку». «В каждой комнате?» – уточнил Таль. – «Да». – «А если я сам захочу весь день провести в своей комнате, чтобы никто меня не беспокоил там?»

«Ну, при тебе и уберутся, ничего», – сказал Влошич. «То есть что же это получается, – нахохлился Таль. – Ко мне будут ломиться, мешать мне?» «Ну, в крайнем случае сделают уборку на следующий день! – громко сказал Влошич. – Какая, в конце концов, разница?» «Но ты сам утверждал, что там убираются ежедневно, вот я и решил уточнить», – сказал Таль. – «Да зачем тебе это? Что от этого меняется?» «Я спросил, нельзя ли там чем-нибудь заразиться, ты ответил, что нет, поскольку там каждый день проводят влажную уборку, – настаивал на своем Таль. – Значит, это важная деталь, поэтому я и говорю о ней». У Влошича от таких разговоров разболелась голова; он обмотал ее смоченной в воде марлей и попросил, чтобы его больше не беспокоили.

«А как часто там кормят?» – пристал к нему Таль на следующий день. Чтобы отделаться от Таля, Влошич сказал, что все-таки поедет вместе с ним, и только накануне поездки взял эти слова обратно, сообщив, что ему придется остаться дома. Таль плюнул и решил ехать сам.

Все устаканивается

«Это же не тот рейс!» – подумал Таль, оказавшись в поезде, но изменить что-то было уже поздно. Между тем, кто-то принялся похлопывать его по плечу; он обернулся и увидел Влошича. «Как ты здесь очутился?» – спросил Таль. «Я решил-таки поехать в санаторий, но не успел тебе об этом сообщить!» – объяснил тот. «Ах, вот оно что! – воскликнул Таль. – Жаль, что ты сел не на тот поезд!» «Как это?» – испугался Влошич. «Я попал на неправильный рейс, а раз ты здесь, то значит и ты тоже», – объяснил Таль. «А с чего ты взял, что он неправильный?» – осведомился Влошич. Тут Таль с облегчением понял, что он зря сомневался и никаких оснований утверждать это у него нет. Они ехали куда надо. «Вот и прекрасно, значит наконец все встало на свои места», – сказал он.

Вокзал – голова Серафима Саровского

«Наконец-то приехали!» – воскликнул Таль. Очутившись на вокзальной площади, Таль и Влошич не знали, куда им пойти, и решили сесть прямо на тротуар, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Самым старым и интересным зданием в этом городе был вокзал, поэтому друзьям не хотелось далеко от него уходить.

Здание вокзала было выстроено в форме человеческой головы, и Таль утверждал, что лицо ее похоже на лицо Влошича. Влошич это отрицал; он говорил, что, по его мнению, это была голова Серафима Саровского. «Откуда ты знаешь, как он выглядел?» – осведомился Таль. «Я-то этого не помню, но многим другим людям это должно быть известно – настаивал Влошич. – А меня вот вообще никто не знает. С какой стати здание стали бы делать в форме моей головы?». «Может быть, именно в этом городе тебя хорошо знают, – возразил Таль. – Мало ли». Теперь они жалели, что площадь была пустынна и им некого было спросить, кого изображает вокзал, чтобы разрешить спор.

В этот момент приятелей чуть не раздавил красный автобус: желая лучше разглядеть вокзал, они, сами того не заметив, отошли от него на проезжую часть и спорили там.

Хорошо еще, что водитель успел вовремя затормозить, а то оба были бы искалечены. Водитель вышел, принялся размахивать руками и странно мычать, выражая свое возмущение. «Слушай, так он же глухонемой!» – изумленно сказал Таль. «Действительно, – воскликнул Влошич. – Какое безобразие! Ведь он может, например, не услышать важных сигналов на дороге и наехать на кого-нибудь!»

Оба строго уставились на бедолагу-водителя, который сразу как-то весь сжался и испугался. Это был маленький плотный, чернявый человечек с блестящими глазами, похожий на голодную собаку. Видимо, поняв, о чем речь, водитель закричал, что он не глухой, а только очень плохо слышит. Чтобы ему удобнее было общаться с людьми, он носил с собой небольшую кухонную воронку, которую вставлял себе в ухо; если собеседник орал в эту воронку, бедняга слышал, о чем речь.

Желая показать, как он любит свой автобус, водитель обхватил машину руками и прижался к ней. Видимо, это был добрый человек; он даже прилепил спереди автобуса большие наклейки в виде глаз и улыбающегося рта. Таль и Влошич заметили также, что в салоне автобуса развешаны опрятные ситцевые занавесочки с оборками, на которых также были вышиты улыбающиеся лица. Водитель объяснил, что это его жена сама вышивала занавески; к тому же она рассовала леденцы в хлопчатобумажные карманы на спинках сидений, чтобы пассажиры при желании могли сосать их

в дороге. Правда, летом от жары они все неприятно слиплись, но это ничего, он скажет ей заменить их на новые. Кроме того, после нового года они всей семьей развешали в салоне свои елочные игрушки и гирлянды, чтобы ехать было веселее, – эти украшения остались и сейчас. «Да уж, вижу, постарались вы на славу», – сказал Влошич. Таль тоже одобритительно кивал.

«Куда же идет этот автобус?» – спросил Влошич. Никакой таблички, поясняющей это, они не увидели, на стенке машины было только кривыми крупными буквами нацарапано: «Пансионат». «Послушайте, а пансионат – это случайно не санаторий?» – обратился с вопросом Таль к водителю. Тот утвердительно закивал. «Значит, нам туда и нужно!» – сказал Таль. «Погоди, погоди, – остановил его Влошич. – Ты, конечно, молодец, но тот ли это санаторий, который нам нужен?» Тут водитель снова кивнул. «А вы откуда знаете? – подозрительно спросил Влошич. – Может, тут в окрестностях тридцать три санатория!» Водитель объяснил, что нам самом деле санаторий здесь только один и что называется он «Вешний день». «Вечный день?» – не понял Таль, но водитель настаивал, что именно «Вешний». «Дурацкое название, – разозлился в конце концов Таль. – Столько времени из-за него потеряли! Пора уже ехать!» Но тут Влошич возразил даже дважды: во-первых, он не знал, как называется нужный им санаторий, так что название «Вешний день» ни о чем не свидетельствовало – это могло быть совершенно другое учре-

ждение. А во-вторых, он хотел еще осмотреть город. «Раз здесь такой интересный вокзал, значит, должно быть и много других достопримечательностей», – сказал он. Водитель, однако, возразил, что кроме вокзала ничего интересного в городе нет. «А тебе больше всех надо, что ли? – напустился на него Влошич, которого стало уже раздражать, что водитель все время встревает в его разговор с Талем да еще и как будто противоречит ему. – Стой и помалкивай, пока господа разговаривают!» «Да какие мы господа, ты что, с ума сошел!» – рассмеялся Таль, желая смягчить неприятный эффект от слов Влошича. – Я думаю, что он прав, давай поедem сейчас, а то мы зря потеряем весь день». «Ну, насчет господ я пошутил, конечно», – сказал Влошич, которому и самому стало неловко за свой глупый возглас. Воспользовавшись его замешательством, Таль втолкнул его в автобус.

Неудачная поездка

«Что-то мы никак не можем приехать», – пожаловался Влошич, который нервничал и ерзал на сиденье. Таль пытался отодвинуть занавеску, чтобы посмотреть в окно, но выяснилось, что шторы были попарно сшиты, и он случайно порвал свою. После этого он, смутившись, отодрал ее полностью, скомкал, как салфетку, и засунул в карман на спинке переднего сиденья, чтобы никто не увидел, что он испортил ее. «Хорошо еще, что водитель не слышал, с каким душераздирающим треском она порвалась», – подумал Таль.

За окном, куда он теперь мог смотреть, лил дождь; он быстро кончился, но вода, скопившаяся на крыше автобуса, стала протекать и капать Талю на макушку – сначала слабо, а потом все сильнее и обильнее. «Да что же это такое, просто напасть какая-то!» – сказал Таль, отряхиваясь. Он думал было пересесть, но именно теперь, когда снаружи сияло солнце, вода, которой на крыше собралось неожиданно много, стала протекать сразу над всеми сиденьями. Чтобы не намочить, Талю с Влошичем пришлось стоять. Это привлекло внимание водителя, который, повернувшись к ним, стал извиняться; в результате он отвлекся от дороги, не справился с управлением, и автобус, съехав на обочину, врезался в столб. Дальше Талю с Влошичем пришлось добираться самим.

Таль требует извинений

«Смотри-ка, нас встречают», – сказал Таль, когда они с Влошичем приближались к санаторию. Им сильно повезло: красный автобус не доехал до «Вешнего дня» всего каких-нибудь трехсот метров.

У ворот «Вешнего дня», действительно, играл целый небольшой оркестр. Друзья испугались такой встречи; они принялись даже искать, где бы спрятаться. «Как назло, здесь даже не за чем укрыться, – прошептал Влошич на ухо Талю. – Хоть бы какое деревце, кустик, но именно тут вся местность голая, как лысина». Наконец, набравшись смелости, они прошествовали в ворота «Вешнего дня». Их никто не остановил; выяснилось, что оркестр играл вовсе не для них – либо здесь что-нибудь отмечали, либо это была репетиция.

«Так это санаторий или пансионат?» – спросил вдруг Таль у Влошича, вспомнив надпись на стенке автобуса. «Не знаю», – шепотом сказал Влошич, который выглядел растерянным и словно не мог понять, как он здесь оказался и куда попал. Талю пришлось взять инициативу в свои руки: он остановил проходящего мимо человека и спросил, где здесь администрация. «Не знаю, нет здесь никакой администрации, отстаньте!» – с досадой отмахнулся тот. Между тем, разговор этот услышали музыканты оркестра, которые как раз сейчас сделали передышку. «Как же вы говори-

те, что здесь нет администрации, Герман Осипович, если вы эта администрация и есть!» – укоризненно обратился к нему румяный толстяк, бивший в бубен. «Это я и без тебя знаю, а ты бы помалкивал! – неприязненно ответил ему Герман Осипович. – Раз я так сказал, значит у меня был на то свой резон. Я спешу по важному делу, а теперь из-за тебя приходится тут терять время!» «Вероятно, произошло какое-то недоразумение, – вмешался в их разговор Таль. – Мы приехали как раз в ваш санаторий на отдых, и нам хотелось бы получить ключи от нашей комнаты». «Ну и получайте свои ключи, раз так! – громко сказал Герман Осипович, швыряя ключи под ноги Талю с Влошичем. – Тоже мне, явились так невовремя, а еще лезут! Могли бы понять, что мне не до вас, и подождать!» «Ну, знаете, мы могли бы и вообще не приезжать, – обиженно и удивленно сказал Таль. – Вам не помешало бы повежливее обращаться с клиентами». «Это мое дело, как мне с ними обращаться, а вас сюда вовсе не звали! Деньги вы, главное, заплатили, дальше мне дела до вас нет, не нравится – убирайтесь!» – с этими словами Герман Осипович удалился.

«Ну и грубиян этот ваш администратор!» – обратился Таль к румянному толстяку, рассчитывая на сочувствие, поскольку тот как будто принимал участие в разговоре на его стороне. «Может, просто чужак?» – поправил его Влошич, словно Таль высказался слишком резко и его оценку необходимо было смягчить, чтобы не произнести неблагоприят-

ного впечатления – хотя, по совести говоря, Таль с полным правом мог бы после такого приема выразиться и похуже. «Он не виноват, – сказал толстяк, ударяя в свой бубен. – Это все его жена заела, вечно они с ней ругаются, да и больные здесь – не подарок, прямо скажем! Столько с ними мороки, что он уж и не рад, когда появляются новые!» «Но мы ничем не больны», – сказал Таль. «Ну все равно, отдыхающие тоже бывают не подарок, – сказал толстяк. – Только от них и слышишь: подай то, принеси се, сходи туда. Вечно им все не так! Вот на днях одна дама закатила истерику и грозила выброститься из окна. Правда, это была все та же жена Германа Осиповича, но встречаются такие отдыхающие, что похуже нее!» «Что-то вы подозрительно выгораживаете своего Германа Осиповича, – сказал Таль. – Мне кажется, он принял нас неоправданно грубо и должен извиниться перед нами. Ведь мы, кажется, никаких истерик пока не закатывали. Лично я теперь не собираюсь подбирать эти ключи – пусть сам их поднимет и с извинениями принесет нам, так ему и передайте». «Вот видите, не успели вы приехать, как уже устроили скандал, – укоризненно сказал ему толстяк. – Понимаете теперь, как администратору с вами со всеми сложно? Так и быть, я готов сам поднять ключи и положить вам в руки, только не создавайте проблем Герману Осиповичу, он и так весь задерган». «Вы-то здесь причем, – с неудовольствием сказал Таль. – К вам у меня претензий нет, мне нужны извинения администратора, который неподобающим образом

повел себя с нами». «Ну, может я тоже администратор, откуда вы знаете? – примирительно, хотя и с трудом сдерживая раздражение, сказал толстяк. – Я готов принести извинения за нас обоих, только успокойтесь». С этими словами он пошел, чтобы поднять ключи, но Таль при его приближении сам раздраженно наклонился, схватил их и, ни слова больше не говоря, удалился. Влошич робко последовал за ним.

Рассказ Иеремии Курицыной

«Что за бардак!» – возмущался Таль, пока они с Влошичем шли по коридору. Коридор был длинный, петлял, разветвлялся, и они никак не могли отыскать свою комнату. Хуже всего, что номера были расположены не по порядку, а вразброс: Таль с Влошичем видели уже и 26-ю комнату, и 36-ю, а своей 16-й – еще нет. «Просто свинство!» – закричал наконец Таль. «Не кипятись ты так, – виновато сказал ему Влошич. – Вот увидишь, это не такой уж и плохой санаторий». «Почему же мы тогда не можем найти нашу комнату?» – напустился на него Таль, не знавший, на ком еще выместить свою злость. «Потому что мы ее прошли», – сказал Влошич. «Как прошли? – воскликнул Таль. – Что же ты не сказал!» «Да я не знал, что ты ищешь ее», – объяснил Влошич. Им пришлось возвращаться больше чем на полпути; окончательно Таля вывело из себя то, что их номер располагался около уборной и тут постоянно ходили люди, хлопая дверьми. «Свинство какое! Как в поезде!» – повторял он.

Друзья весьма удивились, когда, отперев свою комнату, обнаружили, что она набита чужими вещами, да еще к тому же там сидела неизвестная им пожилая женщина. «Вы кто? – спросил у нее Таль. – Мы ошиблись номером?» «Иеремия», – ответила женщина. «Что Иеремия?» – спросил Таль. «Я Иеремия», – объяснила женщина. «Но ведь Иере-

мия – мужское имя», – недоуменно сказал Таль. «Ах, если бы вы знали, как мне осточертело всем объяснять! – всплеснула руками женщина. – Будьте добры, избавьте меня от этой унижительной процедуры». «Ладно, а вы что, уборщица?» – спросил у нее Таль. «Нет, – ответила Иеремия. – Я просто здесь живу». «Но как же так, ведь это наш номер, вот и ключи, которыми я отпер дверь – они подошли». «Да, – сказала Иеремия. – У меня незадолго до того их отобрали». «Почему же вы здесь?» – спросил Таль. «Потому что мне некуда идти. Меня предупредили, что здесь будут новые жильцы, но мне просто некуда податься». «Ну хорошо, а мы-то с Влошичем почему должны страдать из-за этого? Это уж ваши проблемы, мы вам помочь ничем не можем». «Хозяин не имел права меня отсюда выгонять! – громко сказала, взвизгнув, Иеремия. – Он знал это, но отобрал у меня ключи и сказал: выметайтесь отсюда, либо сами разбирайтесь с новыми жильцами. А мне некуда идти!» «Это все понятно, но я повторяю свой вопрос», – сказал Таль. «Какой?» – спросила Иеремия. «Почему мы с Влошичем должны страдать из-за этого? Мы вам помочь не можем», – повторил свой вопрос Таль. Женщина разрыдалась. «Погоди, – вмешался в разговор Влошич. – Давай разберемся все-таки, что здесь произошло, может у нее беда какая». «Да что это за издевательство! – закричал на него Таль, размахивая кулаками. – Ты затащил меня в этот идиотский санаторий, который, кажется, вовсе не санаторий, а дурдом! Почему я не могу спо-

койно устроиться в своем номере и отдохнуть после поездки? Пусть она убирается к чертовой матери!» При этих словах женщина зарыдала еще вдвое громче, да так пронзительно, что Таль с Влошичем вздрогнули. «Давай хотя бы выслушаем ее объяснения», – примирительно предложил другу Влошич.

Иеремия начала объяснять, но путано и сбивчиво, и начала с происхождения своего имени: оказывается, родители ее были очень набожны и пожелали во что бы то ни стало дать дочери такое имя, не взирая на то, что оно мужское. По их мнению, окончания «ия» было достаточно для того, чтобы это имя подходило и для девочки. «А полностью меня зовут Иеремия Ивановна Курицына», – добавила женщина. «Это хорошо, но нам уже нет до этого никакого дела, – ответил Таль. – Нам нужны другие объяснения». При этих словах женщина снова заплакала и продолжила говорить только после того, как Влошич, сжалившись, стал ее утешать. «Вы видите, что я уже старуха, – сказала она сквозь слезы. – Я очень тяжело больна и долго не проживу. Ни родственников, ни знакомых у меня нет, и вот я заключила договор: передала свою квартиру государству в обмен на пожизненное лечение в этом санатории. А этот негодяй, Герман Осипович, теперь гонит меня! Да какое он имеет право?! Вы скажите мне!» «Я не знаю, – сказал Таль. – Нам-то что теперь делать?» «Да что вы все заладили одно и то же! – взвизгнула старуха. – Вы скажите, что мне теперь делать, это поважнее!» «Я не знаю,

меня это не касается», – сказал Таль. Чтобы одернуть его, Влошич исподтишка так стукнул его кулаком по спине, что Таль крякнул.

Водворение в комнате

«Санаторишко-то захудалый, – говорил Таль, пока они с Влошичем шли по длинному коридору, разыскивая Германа Осиповича. – Чего только нас сюда понесло! Посмотри, какие стены!» С этими словами он отковырнул от стены кусок штукатурки величиной с ладонь и хлопнул им Влошича по плечу. Тот закашлялся от попавшей ему в нос известковой пыли. «Запасись терпением, – сказал Влошич. – Тебе здесь еще понравится». «С чего ты это взял?» – «Я на это надеюсь». «Если не понравится, ты мне поплатишься за это», – сказал Таль.

В этот момент, не успев Влошич высказать свое удивление этими словами, они увидели толстяка, с которыми разговаривали у ворот «Вешнего дня». «Послушайте, милейший! – окликнул его Таль. – Будьте добры, удалите из нашего номера старую женщину!» «Почему я?» – спросил, оборачиваясь, толстяк. «Вы же представились администратором, вот и приведите наш номер в божеский вид. Даю вам пять минут, а не то, честное слово, я тут вам все разнесу в пух и прах!» – Таль уже не на шутку рассвирепел. «Да я никакой не администратор, я представился им только для того, чтобы избавить беднягу Германа Осиповича от ваших домогательств, – сказал толстяк. – Однако вы, как видно, вовсе не утихомирились, а наоборот, только разорались еще больше. До чего же

трудно с вами, отдыхающими! Лучше уж вам сразу уехать отсюда, чем так терроризировать персонал». «Каких еще домогательств?» – опешил Таль. «Все вас не устраивает и все вы чего-то требуете от Германа Осиповича, – объяснил толстяк. – Просто как дурак, честное слово!» «Вот я тебе по роже съезжу, будешь знать тогда, кто тут дурак!» – пригрозил ему Таль. «Вы еще смеете мне угрожать?» – налился кровью толстяк. Тут Таль, действительно, ударил его по лицу, на котором остался огромный баклажанного цвета след от кулака, похожий на вмятину в гнилом фрукте. «Надо же, пропечатались все костяшки», – удовлетворенно сказал Таль. Толстяк заверещал, и, повизгивая, как поросенок, скрылся.

Тут на шум явился, наконец-то, сам Герман Осипович. Мы забыли сразу сказать, что был человек двухметрового роста, с крупным лицом, на котором все черты казались по меньшей мере в полтора раза преувеличенными, и костлявыми оттопыренными ушами. Эти уши, круглые, большие, как лопухи, при ходьбе его даже покачивались, и это выглядело до того нелепо, что Таль с Влошичем залились хохотом. Они чуть животы себе не надорвали. «Выселите из нашего номера старуху!» – повторил ему Таль свое первоначальное требование. «Если вам это нужно, сами и выселяйте!» – сказал Герман Осипович. «Давайте нам тогда другую комнату», – сказал Таль. «Свободных нет, – сказал тот. – В других еще большие сложности». «Тогда идемте с нами выселять старуху!» – сказал Таль. На этот раз Герман Оси-

пович вздохом выразил свое согласие.

Многого добиться Талю, впрочем, не удалось, потому что Герман Осипович так и не пошевелил даже пальцем: он только присутствовал при процессе выселения. Рядом с ним стоял Влошич, в то время, как Таль вытаскивал в коридор вещи несчастной Иеремии. Та забилась в угол и закрыла глаза, чтобы не видеть этого. Таль вынес ее вместе с последним чемоданом. «Изверги!» – прокомментировал эти действия Герман Осипович. «Изверг – вы, а не я, – сказал Таль, вручая ему старуху. – Берите ее и селите в своей собственной квартире, пока не найдете другого решения». С этими словами он втолкнул в номер Влошича, вошел туда сам, захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Черненко и обрезанная комната

«Ну и дрянные же здесь номера! – воскликнул Таль. – Ни тебе телевизора, ни отдельного санузла. Вообще ничего нет, только какие-то койки тюремные. Спасибо хоть на том, что их две». «На чем же мы будем спать? – спросил у него Влошич. – Постельное белье тут осталось от старухи». «На нем и будем, если ты не раздобудешь другого, – сердито сказал ему Таль. – Я и так достаточно сделал для того, чтобы мы могли здесь устроиться». Влошич было фыркнул, но тут Таль принялся расхаживать по комнате, так угрожающе пыхтя и сжимая кулаки, что он предпочел промолчать.

Помещение, и правда, было не ахти. Во-первых, очень тесное – настолько, что высота его превышала и длину, и ширину, а потолки тут были низкие. Во-вторых, в нем действительно не имелось вообще никакой мебели кроме двух коек. В-третьих, не было даже обоев: стены вместо этого замазали странным красноватым раствором, и казалось, что они состоят из сырого мяса. В помещении стоял почему-то неприятный холод, хотя на улице была теплынь; Таль попробовал было открыть окно, но оно, все в трещинах, перекошенное, заклинило. Оно было разделено на четыре части, но только в одной из них было вставлено стекло: вторую закрывал какой-то кусок пластмассы, а третью и четвертую – номер газеты «Известия» от 12 марта 1985 года. «Много вни-

мания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, – прочитал на листе газеты Таль. – На решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка». «Вот дела, ты только посмотри! – сказал Таль Влошичу. – Это же Черненко умер!» «Что? – опешил Влошич. – Что за чушь ты несешь?» «Да я говорю, что Черненко умер, тут старая газета, посмотри», – тянул его за рукав Таль. «Ты лучше скажи, кто будет спать на койке под углом», – отмахнулся от него Влошич.

Дело в том, что комната эта была угловая, под скатом крыши, и одна из ее стен шла углом, косо нависая над одной из кроватей. Это очень взволновало Влошича. «Ты и будешь», – сказал ему Таль. «Нет, не хочу! – испуганно сказал Влошич. – У меня боязнь: что, если на меня опрокинется потолок?» «На тебя он, значит, может опрокинуться, а на меня нет? – спросил его Таль. – Нет уж, дружище, ты меня за тащил в эту отвратительную дыру, а мне приходится за тебя все делать, так я по крайней мере буду спать на хорошей кровати». «Но она ничем не лучше, – жалобно сказал Влошич. – Просто у меня есть боязнь, а у тебя нет, вот и уступи мне, пожалуйста». «Ни за что! – отрезал Таль. – Сам эту кашу заварил, сам ее и расхлебывай!» Влошичу оставалось

ТОЛЬКО, ПОНУРИВШИСЬ, ПОКОРИТЬСЯ.

Оговорки Таля

«Давай теперь осмотрим санаторий, узнаем, есть ли здесь какой-то распорядок дня, может быть, прогуляемся по окрестностям», – сказал Влошичу Таль, с одной стороны примирительно, но с другой – давая понять, что поблажек не будет. «Никуда я не пойду, – обиженно ответил Влошич. – Раз ты так со мной обращаешься, иди один». – «Вот и пойду!»»

Таль вышел в коридор, с грохотом захлопнув дверь – желая показать свое недовольство поведением приятеля. К его удивлению, Иеремия все еще сидела в коридоре у двери, точнее, она даже разлеглась на своих вещах, которые так и были в беспорядке разбросаны по полу. «Вы все еще здесь?» – спросил Таль таким тоном, будто приказывал ей немедленно убираться. «Ползучий негодяй, а вы – мерзавец!» – злобно прошипела ему в ответ Иеремия. «Ползучий?» – не понял Таль. – «Да, Герман Осипович Ползучий». – «Это у вас ругательство такое?» – «Нет, это его фамилия». «А, – сказал Таль. – Это понятно, и все-таки незачем вам тут лежать вы проход загораживаете». «А я вот так и буду тут лежать, пока не умру, – заявила Иеремия. – Я вам объявляю голодовку». «Да пожалуйста, мне-то что», – сказал Таль и ушел.

Он отправился искать Германа Осиповича, чтобы узнать у него время обеда и все порядки в санатории: от нервотреп-

ки у него не на шутку разыгрался аппетит. Однако администратор снова как сквозь землю провалился. Более того, Талю по пути не встретилось ни единой живой души, хотя из номеров раздавались подозрительные вздохи, охи и хриплый кашель. Этот кашель даже преследовал Таля: как только он подходил к очередной двери, обитатель комнаты раздражался внутри душераздирающей «очередью», которая затем, словно рикошетом, передавалась в следующий номер. Скоро уже зашелся весь коридор; впечатление было такое, что вокруг Таля собралась целая свора собак, захлебывающихся лаем, готовых наброситься на него и разорвать на части. «Зоопарк какой-то! – подумал, перепугавшись, Таль. – Вдруг там действительно не люди, а псы? Еще повыскакивают, накинутся – полетят клочки по закоулочкам! Впрочем, даже если там все-таки люди, этот их „концерт“ представляет для меня не меньшую опасность – ведь они, значит, все чем-то больны, я могу заразиться от них и умереть. Надо будет взять это на заметку и держаться особняком».

Между тем, Таля раздражало до бешенства, что он никак не может найти администратора. Здание санатория – старинный двухэтажный дом с одной колонной и треугольными окнами – было совсем небольшим, а отыскать тут что-либо оказалось очень трудно. Герман Осипович запропастился, как иголка в стоге сена. Коридоры, конечно, тут не могли быть очень длинными, зато они были извилистыми, и Таль совсем растерялся. Помимо прочего, его сбивал с толку еще

и непрекращающийся кашель из номеров.

Услышав с лестницы, ведущей в подвал, грохот и позвякивание, Таль решил, что найдет там сантехника или рабочего, у которого можно будет хоть что-то узнать, и спустился. К его удивлению, именно там он обнаружил неуловимого Германа Осиповича: тот, вооружившись гаечным ключом, ковырял что-то в большом металлическом баке. Администратор, стоя на четвереньках, просунул голову под трубу, а рядом с ним расположилась в кресле грузная дама лет пятидесяти. Она вышивала, строго поглядывая на Германа Осиповича.

«А эту гадюку ползучую вы так и не убрали от моей двери!» – громко закричал Таль, обрадованный, что наконец-то добрался до администратора. Тот от неожиданности дернулся, больно ударился головой о трубу, затем, потирая ушибленную макушку, поднялся на ноги и отряхнулся. Женщина в кресле подняла глаза и устремила на Талья подозрительный взгляд. «Вы что же это, обзываете меня?» – спросил, побледнев и крепко сжав в руках гаечный ключ, Герман Осипович. «Пока нет, – сказал Таль, – я просто требую убрать эту дрянь». «Но моя жена не носит мою фамилию, ее фамилия – Македонская», – с достоинством сказал администратор. «Я говорю не про нее, а про ту мерзкую старуху у меня под дверью», – сказал Таль. Только тут он вспомнил, что «Ползучий» – это фамилия Германа Осиповича; судя по всему, это слово запало ему в голову после разговора с Иере-

мией, вот он и употребил этот эпитет, забыв о его другом значении. Теперь собеседники поняли друг друга, но жене Германа Осиповича, очевидно, крайне не понравилось, что муж отнес выражение «гадюка ползучая» на ее счет; она даже побагровела от ярости.

«Никто вам не будет ее убирать! – гаркнула она. – Сами пошевелитесь и уберете! Ишь ты, шустрый какой, сам нагадил, а сваливает все на нас». «Нет уж, простите, я тут вовсе ни при чем, – настойчиво сказал Таль. – Вы обязаны были предоставить мне с другом свободную комнату». «Нет уж, это вы нас извините, а только проваливайте», – сказала жена Германа Осиповича и указала Талю на дверь. «Подождите, подождите! – замахал руками Герман Осипович, которого встревожило такое развитие разговора. – Мы с этим потом разберемся, а вы зачем пришли?» «За этим и пришел, – сказал Таль. – И если вы сегодня же эту гадину ползучую не уберете, вам несдобровать!» Он нарочно еще раз употребил это выражение, чтобы показать, что не боится даже жены администратора, не то что его самого. «Разберемся», – неопределенно сказал Герман Осипович. «А еще когда у вас здесь обед, и какие вообще порядки?» – спросил Таль. «А у нас обеда нет, – развел руками Герман Осипович. – Сами поедите, что хотите, есть только буфет, но он платный. А порядков тоже никаких нет, но есть только обходной лист, который вы должны заполнить». «И как же я его заполню?» – спросил Таль. «Вы его возьмете, отметитесь у нашей охра-

ны, у меня здесь сразу же, еще в буфете и в медпункте», – сказал Герман Осипович. «Это зачем?» – осторожно спросил Таль. «У меня – регистрация, в охране – чтобы делов не натворили, а в медпункте – чтобы удостоверить, что они с себя снимают всякую ответственность за ваше здоровье», – сказал Герман Осипович. «Вот еще новости! – воскликнул Таль. – Зачем же тогда медпункт, если они снимают ответственность?» «А он затем и нужен, чтобы к нам претензий не было, – объяснил Герман Осипович. – В нем и врача-то нет, правда, они могут его вызвать, но не обязаны этого делать. Медпункт у нас для того, чтобы оформлять этот отказ от ответственности». «Но как же это! – воскликнул Таль, вспомнив душераздирающе хриплый кашель в коридоре. – Ведь у вас здесь содержится много больных!» «В том-то и дело, – сказал Герман Осипович. – Мы же пансионат, а не больница. Они вот болеют, случается, что и умирают, мы не хотим проблем себе из-за этого нажить». «Ну и порядочки же здесь у вас!» – изумился Таль. Он был возмущен до глубины души, но так растерялся, что не знал, как это выразить. Его очень смущал и грозный взгляд жены Ползучего: видно было, что эта могучая баба, хотя и тиранит мужа, но очень помогает ему в трудных ситуациях с клиентами. Он вероятно, для этого-то ее и завел. «Ладно, давайте ваш обходной лист, а там посмотрим», – сказал Таль, почувствовал, что сейчас у него не хватит сил воевать с этой парой. «Пожалуйста за мной», – сказал Ползучий. Они проследовали вглубь

подвала; Герман Осипович щелкнул выключателем и загорелась подвешенная к потолку лампочка. Выяснилось, что она висела прямо перед лицом Таля – в темноте тот этого не разглядел; она включилась так неожиданно и ярко, что он отшатнулся и еще почти полминуты, ослепленный вспышкой, ничего не видел.

Прямо в подвале стоял письменный стол, на котором Герман Осипович сейчас разложил документы; он уже достал обходной лист, поставил отметку о регистрации и печать. Выяснилось, что он и является директором «Вешнего дня», а главным бухгалтером была его жена, которой он тут же подобострастно поднес бумагу. «Это что же, ваша контора расположена прямо в подвале?» – не понял Таль. «Да, – объяснил Ползучий. – Дело в том, что здесь часто бывают неполадки с отоплением и водоснабжением, приходится заниматься починкой – что я и делал, когда вы пришли. Поэтому мы решили заниматься делопроизводством прямо здесь – так я быстрее успеваю среагировать, например, на протечку. Коммуникации очень старые, износились, бывает, что выключается свет. Я поневоле и электрик, и сантехник, зато и зарплату получаю сразу за несколько должностей» «Но вы же сами директор и распределяете деньги», – заметил Таль. «Нет, – объяснил Герман Осипович. – Деньги распределяет жена, она и платит мне зарплату» «Ах, вот оно что!» – сказал злобно Таль и ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.